

СТРАНА В ФУТЛЯРЕ

Чеховский герой Беликов ныне чувствует себя очень даже неплохо

Недавно в нашей газете ("Труд", 12 августа) был отмечен юбилей поэмы "Кому на Руси жить хорошо". Некрасовский шедевр стал поводом для разговора, далеко выходящего за рамки литературы. Ничего удивительного. Классика — подлинная классика — всегда жива и, стало быть, обязательно сопряжена с сегодняшним днем. О нем-то в первую очередь мы и намерены говорить, отталкиваясь от классических произведений, отмечающих свою круглую дату. Но говорить без академических выкладок и без юбилейного елеса. Произведение будет своего рода инструментом постижения реальности. Надеемся, великая литература поможет лучше понять ее.

Рассказ Чехова, название которого мы позаимствовали для настоящих заметок, появился в журнале "Русская мысль" ровно сто лет назад и тотчас оказался в центре общественного внимания. Можно без преувеличения сказать, что г-н Беликов, скромный учитель греческого языка, был осенью 1898 года у всех на устах. О нем взяло слово, о нем писали — как профессиональные критики, так и рядовые читатели. В архиве Чехова хранится письмо выпускника костромского технического училища Наталии Душиной, в котором есть такие слова: "Я знаю, что вы видели и знали бедного, жалкого человека в футляре".

Корреспондентка Чехова не ошиблась: писатель такого человека действительно знал. Прототипом чеховского героя был инспектор гимназии А.Ф.Дьяконов, которого один из современников характеризует, между прочим, как человека строгого, даже сурового, но безупречно честного. И гуманного. Свой дом, сохранившийся до наших дней (таганрожцы зовут его домом Дьяконова), он завещал начальному училищу, а сбережения свои — учителям на ежегодные пособия.

"Футлярным" человеком Беликов стал поневоле, в силу обстоятельств. "Со дня рождения его держали под крышкой, под колпаком, давили его... и задавили в нем все человеческое". Так писала Чехову еще одна его поклонница, и только ли к несчастному учителю греческого языка можно отнести эти слова? А все мы, его потомки, разве не пребывали в течение долгого времени под колпаком? Разве не задавливали в нас все человеческое, все живое?

Сегодня, когда критические настроения в обществе достигли, кажется, своего апогея, когда очередная стабилизационная программа стала очередной дестабилизационной дубиной, когда мы говорим о неисчислимых бедах, обрушившихся на голову народа в последние годы, не будем забывать, что в активе у нас не только беды, но только потери, но и обретения. Из футляра-то, который действительно не давал дышать, мы все-таки вышли! Другое дело — куда именно вышли и где в результате оказались.

Да, мы стали людьми и впрямь куда более раскрепощенными, чем прежде. Помните, как возмущался Беликов, когда увидел своего коллегу раскатывающим по городу на велосипеде? Учитель и — на велосипеде! Как можно?

Зато теперь можно все. Теперь учитель не считает для себя зазорным торговать в свободное от уроков время бубликами с маком, а, предположим, академик — сдавать квартиру иностранцу, сам пересел-

ившись на правах бедного родственника к кому-нибудь из близких. Иногда, правда, он просыпается среди ночи в холодном поту. Страшный сон видится ученому мужу: в оданную квартиру нагрянули с масками на лицах налоговые полицейские.

Итак, теперь можно все. Чтобы убедиться в этом, не надо даже из дому выходить. Достаточно включить телевизор, и не обязательно в тот момент, когда там идет пресловутое "Про это". Про "это" у нас теперь — добрая половина фильмов, ток-шоу, просто шоу, а также

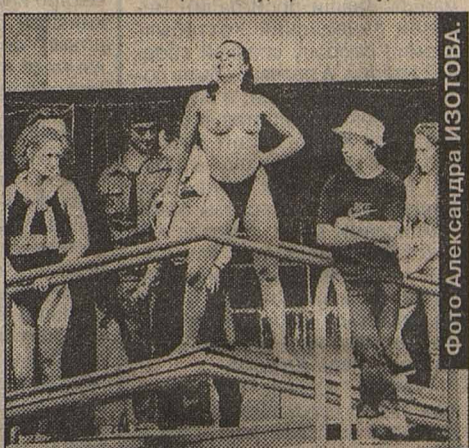

Фото Александра ИЗOTOBa.

Да, мы стали людьми, и впрямь куда более раскрепощенными, чем прежде

всевозможных прочих передач. Смотришь на экран, листаешь иной гляцевый журнальчик — и создается впечатление, что вместе с футляром выкинули и нижнее белье.

Тем не менее футляризм как явление не изжит, просто он обрел новые формы выражения. Глядишь на того или иного нового русского, окольцованного вооруженными до зубов охранниками, и на ум сами собой приходят чеховские слова о Беликове: "У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы..."

Но футляризм присущ не только новым русским, но и новым, равно, впрочем, как и старым, разве что сменившим футляр, политикам. Может быть, это единственное, что при всем их антагонизме и яростном публичном противостоянии, объединяет этих людей. Одни заточили себя в оболочку экономических догм и с маниакальным упорством навязывают их обществу, сковывая его, засовывая в тесный футляр, который трещит и ломается, разлетающиеся же осколки больно ранят рядовых граждан. (Вот и рубль тоже попытались упрятать в футлярчик, но он вырвался, произведя сокрушительной силы взрыв.) Другие противодействуют им, то есть находятся, как это принято считать, в оппозиции, изо всех сил идеализируя минувшее. Не о таком ли как раз типе оппозиционера читаем в

юбилейном чеховском рассказе: "Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое?"

Это — вторые. Третьи предпочли футляр шута и, судя по всему, чувствуют себя в нем весьма комфортно (их политическое шутство недурно оплачивается). Четвертые — неизменно респектабельны в своем неприятии текущего момента, их речь иронична и афористична, они с глубочайшим интересом внимают самим себе и величают себя, естественно, тоже оппозицией, но оппозицией с противоположным, нежели те, что тошкуют по прошлому, знаком. (Подки-ка разберись нынче с этими знаками!)

Пойдем, однако, дальше. Футляр на пятых смотрится особенно естественно, поскольку перед этим они долго носили военный мундир. И голос у них соответствующий, и выправка. Шестые, совсем как у Чехова, живут по принципу: "Раз это не разрешено циркулярно, то и нельзя", — а поскольку стражами циркуляра назначены именно они, то в их власти взять на себя риск выйти в некоторых особых случаях за пределы дозволенного. А за риск, извините, надо платить. Вот и платят. Седьмые... Ну да ладно, хватит. Квалификацию эту можно продолжать долго, а мы ведь обещали не впадать в академизм. Заметим только, что на вершине этой захватывающей дух пирамиды находится тоже человек в футляре, вот разве что футляр у него пороскошнее других и потолще. Дабы — опять процитируем юбилейный рассказ — "защитил бы от внешних влияний".

И он защищает, причем защищает столь надежно, что создается впечатление, будто существуют два суверенных, почти не общающихся друг с другом мира. Один, маленький, —

внутри высокопоставленного футляра; там не бывает не только катаклизмов, но и кризисов, а потому на само слово "кризис" накладывают время от времени строжайшее табу. И другой — внешний — мир, огромный и грозно бушующий. Он населен людьми, у которых эйфория по случаю того, что они избавились наконец от жесткого тоталитарного панциря, смешалась пониманием, что произошло не просто освобождение от сковывающих все живое проржавевших оков, но и — заодно — великое, доселе невиданное в истории разделение. Я не о секс-шоу, я — о жизни. Люди обнаружили вдруг, что остались ни с чем. Точно нападение шайки грабителей подверглись... А вокруг разногласие кружились хоромод упитанных, загоревших, хорошо отдохнувших на заморских курортах людей в разнообразных футлярах.

Но мне не хочется заканчивать на этой ноте. У Чехова после истории Беликова — ее, помните, рассказывал своим товарищам по ночлегу один из героев — следует картина необъятного сельского простора. При взгляде на него "...на душе становится тихо; в этом своем покое, укравшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что... зла уже нет на земле и все благополучно".

Благополучно, увы, не все. Да, леко не все. Но в любом случае живые вольные души сильнее и долговечнее тех, кто упрятал себя в комфортабельные футляры.

Руслан КИРЕЕВ.